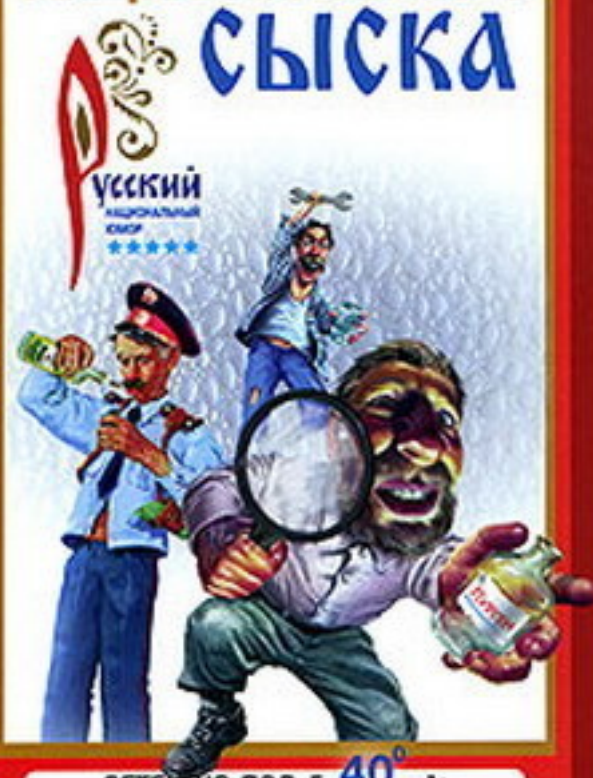

Михаил Серегин

ОСОБЕННОСТИ

НАЦИОНАЛЬНОГО СЫСКА

ДЕТЕКТИВ ПОД ГРАДУСОМ

Детектив под градусом

Михаил Серегин

Детектив на троих

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Детектив на троих / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Детектив под градусом)

Если всех постояльцев и сотрудников крупного отеля вдруг прохватил жестокий понос – значит, это кому-нибудь нужно. А вот кому именно, должен выяснить частный детектив Владимир Мальков, интеллигентный человек почти без вредных привычек. Если не считать пристрастия к спиртному. Под видом штатного врача отеля он начинает расследование и убеждается, что здесь вообще творится всякая чертовщина. Кроме поноса, народ охватила сексуальная активность и прочие заморочки неизвестного происхождения. И заметьте, на трезвую голову. Но бывалого алкаша не проведешь. Потому как трезвым он практически не бывает. Стало быть, и соображает лучше других. Словом, вскоре ему становится ясно, что дело пахнет массовым гипнозом с применением современной техники.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Михаил Серегин

Детектив на троих

ГЛАВА 1

ТРОЕ В РЮМОЧНОЙ БЕЗ ПИСТОЛЕТА

«Да пошли вы все на...!» – громко выругался я и пультом управления выключил телевизор. «Из вас футболисты, как из меня король чечетки!» Все эти мои высказывания относились к видеозаписи вчерашнего матча между нашими футболистами и сборной Зимбабве. «Если вы этим обезьянам не можете навтыкать пару мячей, не пропустив в свои ни одного, то что же вы вообще можете?! Играли бы себе во второй лиге южнокорейского чемпионата...» – никак не мог я успокоиться. Вчера, будучи не в состоянии физически просмотреть матч, я поставил таймер на видике и записал игру, дабы порадовать себя с утра фейерверком забитых мячей в ворота наших соперников. Однако на 80-й минуте матча счет был 0:0, и игра нашей сборной производила настолько дремучее впечатление, что даже громкие вопли комментатора по поводу так называемых «острых» игровых моментов наводили на меня неизгладимую тоску.

Какое-то сборище флегматиков и ипохондриков в красно-бело-синей форме с гордой надписью «РОССИЯ» на груди вяло и одновременно высокомерно пыталось продемонстрировать неграм технику владения мячом у своих ворот! Они без особого старания пытались передать мяч вперед другой группе красно-бело-синих, неврастеников-нападающих, которые, так и не дождавшись путного паса за всю игру, отчаянно ругались матом, находясь в офсайде. Их не смущало даже присутствие на игре президента Зимбабве и его красавицы-жены (по зимбабвийским меркам, конечно). Не в силах терпеть это еще десять минут, я выключил телевизор, предполагая конечный результат.

Посидев в нервной тишине минуту-другую, я схватил первый попавшийся журнал и попробовал почитать его последнюю страницу. Единственное, что мне удалось разглядеть в моем нервном состоянии, была карикатура. На ней был изображен здоровенный толстый мужик с характерным красным носом, стоявший в дверях перед супругой и выставивший ей напоказ большие, но на удивление пустые карманы. Смысл подписи под карикатурой сводился к чему-то на редкость философскому типу «У алкаша нету дома ни шиша».

«Тоже мне умники-моралисты!» – Я отшвырнул журнал в сторону. Задумавшись после этого, я понял, почему эта карикатура так задела меня. Она отчасти символизировала мою жизнь. Но только отчасти...

Да, возможно, в толстом алкаше с пустыми карманами вполне узнаваем я сам, Мальков Владимир Александрович, возраст – 33 года, медик по образованию, ныне безработный. И хотя я достаточно крупный по комплекции человек, все-таки красного носа у меня пока что нет! И для того чтобы убедиться в этом окончательно, я подошел к зеркалу. Нос оказался вполне нормального цвета, хотя мой общий вид был не слишком блестящим, и я не стал долго задерживаться у зеркала.

Жены у меня нет – Вера погибла пять месяцев назад в автомобильной катастрофе. Собственно, после этого я и пил запоем. До этого мое пьянство было вялотекущим, хотя и достаточно регулярным. Вычурно выражаясь, можно сказать, что раньше алкоголь был моим хорошим приятелем, другом, а после этой трагедии он стал моим спасителем. Во всяком случае, ничто другое мне не помогало. Ни соболезнования родственников и друзей, ни попытки свести меня с женщинами («хорошими» и «добрыми») не смогли мне помочь. Забыться в работе я

не мог, потому что у меня просто не было таковой, а с наркотой я не стал связываться в силу своей законопослушности. И лишь залитые внутрь организма один-два литра спиртного при всасывании в стенки желудка вытесняли из души бесконечную черную гнусь, мешавшую мне чувствовать себя человеком.

Постепенно, с течением времени, душевные раны рубцевались, и количество ежедневного спиртного значительно снизилось, но, как и прежде, полностью отказаться от него я не мог, да и не хотел. Потому что не видел в этом смысла. На самом деле я, как человек, смею надеяться, неглупый и трезвомыслящий, давно уяснил для себя то, что окружающий меня мир тускл, сер и однообразен. И единственным способом примирить меня с ним, сделать его краски более насыщенными и колоритными является лишь выпитая стопка качественной водки. Или не очень качественной, в зависимости от обстоятельств.

Только после этого я мог видеть в окружающих меня пейзажах красоту и праздничность, в окружающих меня людях отмечать ум и доброту, а в беседах с ними находить их мысли интересными и содержательными. Можно сказать, что алкоголь сделал меня человеком, во всяком случае, человеком, общение с которым для других было не в тягость, а для некоторых, смею надеяться, даже в радость.

Я посмотрел на часы – было около одиннадцати. И подумал, что уже пора... Снова бросив взгляд на валявшийся на диване журнал с изображением алкаша, у которого ни шиша, я внутренне спросил сам у себя: «А как у меня с шишами?» Я залез в бар серванта и открыл заветную шкатулочку, где мы всегда с Верой хранили деньги. Пересчитав купюры, я пришел к грустному выводу, что имевшихся в наличии средств, похоже, будет достаточно, чтобы спокойно прожить в течение недели. Но не более того... Пить «сивуху» я себе позволить не мог из чувства собственного достоинства. По всему видно, что надо позаботиться о заработках. Сегодня же, видимо, придется отказаться от аутентичного «Смирнова» или джина и ограничиться чем-нибудь попроще. Положив деньги в карман, я отправился в дорогу.

Выйдя из подъезда, я пошел по своему длинному двору, сопровождающему девятиэтажное здание, в простонародье называемое «Пентагон» за его элитное местонахождение на набережной Волги и массивную пятиугольность самого строения. Обогнув торец здания, я углубился в дебри одно-двухэтажного «шанхая», который «Пентагон» и прикрывал от взглядов туристов, гуляющих по набережной. Проходя мимо одной из кирпичных двухэтажек, я стал заглядывать в окна первого этажа. Здесь жили мои друзья, у которых вчера было празднество: их сын женился, и я был одним из приглашенных на это мероприятие. Именно там мне и удалось назюзюкаться до того состояния, которое помешало мне вчера посмотреть футбольный матч. Я предполагал, что именно там мне сегодня и удастся перехватить рюмашку-другую. Однако время было раннее, и веселье еще не началось, поэтому я продолжил свой путь по направлению к экспресс-бару, который располагался на первом этаже двухэтажки напротив.

Я вошел в бар. Несмотря на не слишком презентабельный вид снаружи, внутри бара царили комфорт, уют и чистота. Хорошо выложенный кафельный пол из итальянской плитки регулярно мыли, стены были отделаны дорогими пластиковыми панелями мягкого телесного цвета. С подвесного потолка падал рассеянный свет из встроенных в «армстронг» светильников. Хозяин, татарин Муса, следил за порядком, и откровенных «синяков» сразу после obsługi выпроваживали на улицу.

Я подошел к стойке бара, отделанной натуральным дубом, где продавщица по имени Любочка опаивала жаждущих эликсиром жизни, увы, иногда сомнительного качества. Но я был гарантирован от того, что мне нальют нечто ацетонообразное, так как пользовался определенным расположением Любочки. Все дело в том, что эта корова весом около девяноста килограммов уделяла своему здоровью большое внимание. Узнав, что я медик по образованию, она часто брала у меня консультации по тем или иным процессам, происходившим на огромных просторах ее туши. Обычно я ограничивался лишь комментариями и словесной помощью, но

иногда приходилось работать физически. Как-то Любочка пожаловалась на тяжесть в животе и мне пришлось пальпировать ее живот в подсобке бара. Сделав это, я заверил ее, что живот «не острый» и необходимо лишь просто соблюдать диету. Кроме того, я посоветовал ей обратиться к участковому врачу, которого Любочка, похоже, и без моих советов сильно достала.

Второй и последний раз я прикасался к Любочке руками, когда массировал растянутую мышцу на ее широченной, как аэродром, спине. После этого Муса потребовал прекратить подобные сеансы лечения, так как Любочка при этом орала благим матом. Местные завсегда-таи, подумав, что Муса открыл здесь еще и бордель, стали интересоваться расценками на эти услуги. Однако все мои труды не пропали даром, и водку мне Любочка наливала качественную. Вот и на этот раз, завидев меня, она широко заулыбалась. Я ответил ей тем же:

– Доброе утро, Любочка! – сказал я. – Как здоровьице?

– Спасибо, Володечка! Вчера что-то запершило в горле...

«Ну, началось!» – подумалось мне.

– Наверное, я вчера простудилась, – продолжила она. – Но я сразу же приняла таблетку эту... аспирин, как его... УПСА...

– Ой, Любочка, не надо у пса... Вообще не верьте этой рекламе! Как врач тебе говорю... Лучше бы ты попарила ноги и приняла стопарь водки. И настроение бы поднялось, и простуду как рукой сняло бы.

– Правда, что ль? – кокетливо спросила Любочка. – Ты все шутишь, Володечка...

– Абсолютная правда! Лучше всякой химии помогает. Кстати, что у нас сегодня из не очень мажорного, но приличного?

– Сегодня только самарский «Родник», – извиняющимся голосом сказала продавщица. – Но водка неплохая.

– Давай сто грамм на дегустацию! – деловым тоном сказал я.

Любочка полезла куда-то за прилавок и вынула оттуда початую бутылку «Родника». Затем она наполнила живительной влагой пластмассовый стаканчик почти до краев и протянула его мне. Я опрокинул стаканчик и тут же захрустел предо-ставленным мне заботливой Любочкой салатиком. Поскольку я с утра ничего не ел, то, не успев дожевать, почувствовал, как процесс наполнения мира смыслом вступил в начальную стадию. Я подумал, что неплохо бы с кем-нибудь поговорить. Продолжать разговор с Любочкой о ее проблемах со здоровьем мне не хотелось. Я огляделся и увидел у стойки одиноко стоящего седого мужчину лет сорока, который тяжело, но верно доканчивал бутылку темного пива. Я никогда не был силен в изыскании повода для начала разговора и просто спросил:

– Вы любите темное пиво?

Мужчина оторвался от бутылки и посмотрел на меня колючими карими глазами.

– Все может быть, – ответил он.

– Да вы философ! – радостно воскликнул я и, повернувшись к продавщице, крикнул: – Любочка, еще сто грамм, пожалуйста!

– Скорее циник, – ответил мне Седой и допил остатки пива.

– Циник тоже может быть философом, – заметил я. – Но я вижу, у вас что-то сегодня неважно с настроением... Бросьте вы, на самом деле все хорошо, мир прекрасен!

– Какая глупость! – скривившись, ответил Седой. – Мир не может быть прекрасным или ужасным, он реален, и тем нормален. Прекрасный мир или ужасный мир – это крайности. Крайности же нежизнеспособны... И когда все же они случаются, с миром действительно происходят разные катаклизмы, то есть отклонения от нормы. Поэтому пусть уж он будет нормальным, то есть обыденным и скучным.

– Похоже, что с вами недавно случился один из катаклизмов этого мира, – сказал я. – А вы знаете, я нашел способ сделать восприятие окружающей меня реальности радостным.

И в качестве иллюстрации взялся за пластиковый стакан с водкой, принесенный мне Любочкой.

– Ваше здоровье! – сказал я и послал вторую порцию водки в горло.

– Да? – медленно протянул Седой, разглядывая пустую пивную бутылку. – А я вот никак не найду средства примириться с миром и всеми дураками и занудами, его населяющими!

Я доел остатки салата и сказал:

– Надеюсь, последнее определение ко мне не относится.

– Ну что вы! – протянул Седой. – Вас я еще пока не идентифицировал.

– А кроме перечисленных двух, какие еще типажи гуляют по вашему миру? – спросил я.

– О, их достаточно! Ласковые истерики, романтические мудаки, прагматичные сволочи, безобидные мудозвоны и так далее.

– Боюсь, что вам это покажется странным, но я как-то пока не нашел из перечисленного вами соответствующую мне ипостась...

– Но особенно за последнее время меня достали, – продолжал, не обращая внимания на мою реплику, Седой, – энергичные долдоны. Господи, их бы энергию да на мирные цели!

В этот момент колокольчик над входной дверью звякнул, дверь открылась, и в помещение вошел мужчина высокого роста, крепкого сложения, в сером пиджаке и тряпичной кепке такого же цвета. У него было широкое розовое лицо и большие голубые немигающие глаза. Войдя в помещение, мужчина снял кепку, обнажив здоровенную красную лысину, напоминающую тщательно расчищенную вертолетную площадку в джунглях Амазонки.

Перед нами стоял Дмитрий Дынин собственной персоной – местный участковый милиционер, мой сосед по дому и старый детский товарищ, с которым мы вместе играли в казаков-разбойников. До сих пор помню ту здоровенную железную дрыну-пулемет, которую я таскал по двору за ним, служа в те годы у него ординарцем...

В отличие от меня, в свое время выбравшего карьеру медика, Дынин направил свои стопы в Политехнический институт. Проучившись там пять лет и еще пять проработав по специальности строителем мостов, он осознал, что эта стезя не его. Дмитрий посчитал, что замашки царского офицера, выправка и статная фигура и умение четко кивнуть головой, говоря, «Слушаюсь, господин полковник!», обеспечат ему карьеру военного. Однако эту карьеру начинать было уже поздно, и Дынин посчитал, что милицмейские погоны – тоже погоны и что синяя форма ему тоже будет к лицу. Но за семь лет работы в милиции начальство так и не сумело по достоинству оценить Дынина. Его кипучая натура применяла себя не там, где надо, а его, мягко говоря, прямолинейность вводила начальство в глубокое раздумье о целесообразности повышать Дынина по службе. Через три года службы ему, как водится, присвоили звание старшего лейтенанта, однако из участковых в более престижные подразделения так и не перевели.

Дынин осмотрел нас обоих немигающим взглядом, вытер кепкой потное лицо и, подойдя к нам, швырнул кепку на стойку бара.

– Так, Володька, – как обычно, сразу перешел к делу Дынин. – Я, кажется, залетел...

– Простите, я не понял, что он сказал? – спросил меня Седой, откупоривая очередную бутылку «Портера». – Он что, забеременел?

Я был уже в хорошем настроении и решил поддержать начинание незнакомца:

– Не знаю. Похоже на то... Дима, это случилось? Ты правда?...

– Хуже, – ответил Дынин. – У меня сперли пистолет.

– А что на сей раз имеет в виду этот человек? – спросил Седой. – Пистолет – это нечто иносказательное?

– Дима, – спросил я. – Что ты имеешь в виду под пистолетом?

– Да пошли вы на...! – в сердцах сказал Дынин. – Вам все шуточки, а у меня табельный «ПМ» пропал!

Тут мы оба поняли, что он не шутит. И я тут же предложил:

– Дима, может быть, водочки?

– Да какой там водочки?! – Дынин уперся руками в стойку бара. – Вам все водочка!.. Ну, можно... грамм сто... – уже несколько другим тоном сказал он.

Я заказал Любочке сто грамм для Дынина и, как только он их выпил в себя, принялся расспрашивать:

– Когда это случилось?

Дынин снова уперся руками в стойку бара, как Ленин в трибуну второго съезда РСДРП, и стал активно покусывать губы, уставившись в одну точку, а именно на пустой пластиковый стакан из-под водки. Молчание затянулось, и я уж подумал, что стакан нужно наполнить еще раз, как он вдруг ответил:

– Точно не знаю, но похоже, что вчера.

– Вчера? – переспросил я. – Но вчера я видел тебя на свадьбе у Петровых.

Я напряг свою память.

– Да-да, на свадьбе у Петровых... Ты был в таком состоянии, что у тебя могли спереть и трусы... Но с другой стороны, там все были в таком состоянии, что даже стащить рюмку у соседа им было сложно. Ты сам-то что-нибудь помнишь? – спросил я его.

Дынин еще немножко пожевал свои губы и со вздохом ответил:

– Ничего. Проснулся сегодня ночью под столом у Петровых с какой-то бабой в обнимку – башка трещит, мутит всего...

– Вряд ли этой бабе нужен был именно этот ваш пистолет, – вставил свое слово Седой.

– Да хрен ее знает, что ей вообще нужно было... под столом от меня! – снова в сердцах бросил Дима.

И тут его осенило:

– Кстати, – воззрился он сначала на Седого, потом на меня. – Кто это такой? Я ему, понимаешь, тут все рассказываю, а он даже не представился!

– А кто, простите, вас просил здесь что-то рассказывать? – резонно заметил Седой.

– Ты его знаешь? – подозрительно спросил меня Дынин.

– Нет, первый раз вижу, – флегматично ответил я.

– А что ж ты тут с ним... пьешь стоишь?

– Так я же с ним не под столом в обнимку лежу, – улыбнулся я.

– Ну да, – вынужден был согласиться Дынин. – Хотя, в общем, это странно...

– Не более странно, чем рассказывать незнакомым людям о своих проблемах, – прокомментировал Седой. – Но чтобы вас не смущать, я могу представиться. Зовут меня Леонид Борисов, я журналист, проживаю недалеко отсюда с недавних пор. А здесь я так, случайно – пиво попить зашел.

– А меня зовут Владимир Мальков, я врач по профессии, временно безработный. – Я подал Борисову руку. – Вчера выпил на свадьбе у знакомых, сегодня зашел сюда похмелиться. Впрочем, я это делаю каждый день. Испив прелести дня минувшего, стараюсь с утра выпить, чтобы достойно встретить нынешний.

Я немного помолчал, глядя на недоумевающего Дынина.

– А это некто Дима Дынин, местный участковый, – представил я его Борисову. – Только этим можно объяснить, что такому человеку, как он, доверили оружие. Главной его особенностью применительно ко мне является то, что в детстве мы с ним играли в войну. Тогда он был Чапаевым, а я – Петькой или в крайнем случае Фурмановым.

Теперь уже явно недоумевал Леонид.

– А что, других должностей при этом военачальнике не было? – спросил он.

– Были, – тяжело вздохнул я. – Армия состояла из нас двоих, вакансий хватало, но как я мог оставить его без ординарца!

Борисов сочувственно покивал головой.

– Ну что, надо помочь «бригадиру»? – предложил он.
– А как ему поможешь, если он ничего не помнит? – спросил я. – И вообще – я же не сыщик... Впрочем, есть один способ.
– Дима, – обратился я к Дынину, – купи нам на троих бутылку водки.
– Это зачем еще? – резко спросил Дынин.
– Ну как? Это мой метод расследования, – с улыбкой ответил я.
– Как это? – непонимающе уставился на меня Дынин.
– Чтобы найти решение, я должен впасть в определенное состояние, своеобразный транс.
– Да? – недоверчиво спросил Дима.
– Да, да, – нетерпеливо сказал я. – Давай раскошеливайся!
– Ладно, уговорил, – со вздохом согласился Дынин. – Какая здесь самая дешевая?
– Любочка, – повернулся я к продавщице. – Дайте нам бутылку водки, самую дешевую из приличных. Дмитрий Алексеевич платит!

После того как Люба поставила нам на стол бутылку «Родника» и три тарелки с салатом, мы осушили первую порцию. Дынин выжидательно посмотрел на меня. Я состроил задумчивую физиономию и сказал:

– Так, давай вспомним, кто еще был на свадьбе...
– Ну ты даешь! – закатил Дынин глаза к потолку. – Их там столько было! Леха был из четвертого подъезда, Аркадьевы из соседнего дома, Сережка с женой, Дрюня, Васька с сыном...
– Стоп, – неожиданно остановил я.
В тот момент мое сознание четко и ясно высветило лишь один образ. И я назвал имя:
– По-моему, это Дрюня.
– Почему это? – скороговоркой спросил Дынин.
– Я его встретил, когда еще шел на свадьбу.
– Ну и что?
– Понимаешь, он шел мне навстречу и, в общем, был какой-то странный...
– Да? – задумался Дынин.
– Он еще руку в кармане держал, похоже, что-то там прятал...
Дима снова принялся интенсивно кусать губы.
– Значит, Дрюня! – с остервенением произнес он. – Сука!
– Ну что, надо его «братъ»? – с усмешкой спросил Борисов.
– Да, надо братъ! – ответил я, поддерживая его шутливую игру. – Но только тихо, бескровно!

При этих словах я схватил за руку Дынина, который уже был готов сорваться к выходу.

– Дима, успокойся. Дрюня от нас никуда не денется. А водку надо допить.

И я снова наполнил стаканы.

Допив бутылку до конца, наша «группа захвата» во главе с Дыниным направилась обратно к «Пентагону», где во втором подъезде на втором этаже жил Дрюня Исмутенков, наш с Дыниным сосед по дому, с которым я когда-то учился в медицинском институте. Судьба развела нас по разным медицинским учреждениям: я получил специальность педиатра, он – гинеколога. Исмутенков проживал с женой и дочерью в одном подъезде с Дыниным.

По пути я спросил горе-участкового:

– Дима, может быть, ты зайдешь домой и форму наденешь ментовскую?

– Ничего, – ответил Дынин, сжимая волосатые кулаки. – Я его и безоружным возьму, вот этими руками.

И, вдохновленный этим своим высказыванием, он влетел в подъезд. Мы с Борисовым последовали за ним. Поднявшись пешком на второй этаж, периодически опираясь на стенку, мы подошли к квартире Исмутенкова.

– Кто будет звонить? – каменным голосом спросил Дынин.

– Дайте это сделать мне, – сказал я. – Я все же его лучше знаю. А вы станьте по краям, чтобы он вас в «глазок» не увидел.

Дынин тут же прижался к недавно побеленной стене, будто в ожидании взрыва гранаты. Борисов просто отошел в сторонку. Я нажал кнопку звонка раз, потом второй... Наконец кто-то прошуршал за дверью и тихо спросил:

– Кто там?

– Дрюня, это я, Мальков.

– Ты один? – из-за двери спросил Исмутенков.

– А ты что – голый? – поинтересовался я.

– Да нет... – как-то неуверенно ответили мне, после чего замок треснул и дверь начала потихоньку открываться.

Закончила она свой путь на огромной скорости, так как Дынин, сверкнув передо мной меловой спиной, врезался в нее всей своей тушей и ворвался в тамбур, как лев. В квартире послышался отчаянный вопль жертвы и рычание хищника. Мы с Борисовым переглянулись.

– А ты точно уверен, что это он?

– Нет, конечно, – ответил я ему. – Но уже поздно... В крайнем случае, Дынин сбегает за еще одной бутылкой водки.

Мы прислушались к звукам в темной прихожей и, сочтя, что захват успешно осуществлен, зашли в квартиру и закрыли за собой дверь.

ГЛАВА 2

МОКРЫЙ ПИСТОЛЕТ

Включив свет, мы узрели следующую картину: Дынин сидел на маленьком лысом человечке, который лежал лицом вниз, прижав щекой слетевшие очки. Вооружившись ботинком, Дима лупил его подошвой по лысине.

– Хватит, Дима, хватит... – ужаснувшись, остановил я его и решительно вырвал ботинок.

– Может быть, мы пройдем в комнату? – неуверенно спросил Борисов.

Дынин воспринял это как сигнал к действию, схватил Исмутенкова за шиворот и потащил его в комнату. Андрей не сильно сопротивлялся, так как Дынин был значительно здоровее его. Швырнув Дрюню на диван, Дима встал перед ним, не совсем понимая, что ему делать дальше. Я счел, что пора брать инициативу в свои руки, и заговорил:

– Ну что, Исмутенков, доигрался?

Дрюня молча смотрел на меня.

– Против закона пошел? – продолжал я.

Тот засопел.

– Неужели ты не понимал, чем все это кончится?

Дрюня перешел в контратаку:

– Позвольте вам объяснить, что вы находитесь в частной квартире и не имеете никакого права обходиться со мной подобным образом!

– А мы здесь при исполнении! – официальным голосом заговорил Борисов. – Гражданин Исмутенков! Вам предоставляется последняя возможность сознаться в совершенном вами преступлении.

– Кто это? – выпятился на него Дрюня.

– Это следователь облпрокуратуры по особо важным делам, господин Борисов, полковник юстиции, – ответил я.

Дрюня внешне и внутренне обмяк.

– Ты понимаешь, какая величина пришла сюда? С тебя живым не слезут, пока ты не вернешь пистолет.

При слове «пистолет» Дрюню передернуло.

– А как вы догадались, что он у меня? – поникшим голосом спросил он. Его лицо стало красным.

– Да уж узнали, – вздохнув, ответил я.

Все почувствовали облегчение.

– Ну, говори, говори, где он! Говори, морда очкастая! – заорал Дынин. – Я тебе яйца вместо глаз сейчас вставлю! Где он, мать твою?

– Там, в уборной, – едва шевеля губами, прошептал Андрей.

Дынин леопардом кинулся в сортир. Несколько секунд оттуда слышался грохот каких-то падающих предметов, после чего раздался вопль:

– Су-ка!

Через две секунды участковый снова вошел в комнату, держа в руках «макарова».

– Этот придурок засунул его в сливной бачок! – обомлевшим голосом произнес Дынин, разглядывая пистолет.

– Хорошо, что не в унитаз, – заметил Борисов. – Видимо, у этого джентльмена свое понятие о сохранности оружия.

– И как же ты, падла, собирался после этого из него стрелять? – спросил Дима, вытирая пистолет платком.

Исмутенков молчал. Он сидел ссутулившись на диване и теребил пальцы рук.

– Ну что, лысый? Будем оформлять тебя? Пять лет как минимум... – сказал Дынин, засовывая пистолет в боковой карман.

– Тихо, тихо, тихо, – вступил я. – Дима, по-моему, ты начинаешь перегибать палку.

И выразительно посмотрел на голову Дынина. Тот, вспомнив о плачевном состоянии его собственного волосяного покроя, несколько смутился.

– Мужики, давайте не будем нервничать, – продолжил я. – Дрюня, у тебя что-нибудь выпить есть?

– Там, в холодильнике, остатки... – уставившись в пол, произнес Исмутенков.

– Ленчик! – Я посмотрел на Борисова.

Он кивнул и отправился на кухню. Через полминуты принес початую бутылку водки «Кристалл». Я одобительно кивнул и, взяв из серванта стаканы, поставил их на журнальный столик перед диваном. Разлив напиток по рюмкам, я произнес:

– Ну... За удачно завершившийся поиск!

И мы выпили, закусив принесенными с той же кухни помидорами и огурцами. Я, дожевывая помидор, обратился к Исмутенкову:

– А теперь, хороший мой, объясни нам, зачем тебе понадобилась пушка?

Дрюня, понурих голову, ответил:

– Да так... Гада одного пугнуть хотел, да, видать, не судьба...

– Кого ты хотел пристрелить, придурок?! Он же у тебя сутки в воде пролежал! – заметил Дынин.

– Я стрелять и не хотел. Просто припугнуть...

– И кто же тебя, Андрюша, так достал, что ты аж за пушку схватился? – спросил я. – Как-то раньше я за тобой таких порывов не наблюдал.

– Понаблюдал бы я за тобой, если у тебя кого-нибудь из детей похитят! Ты как карась на сковородке будешь прыгать. Не то что пистолет, гаубицу украдешь! – заявил Исмутенков.

– А что... у тебя дочь кто-то украл? – насторожившись, спросил Дынин.

– Да, похитили. Два дня назад. Вчера записка пришла, с требованием выкупа.

– Что же ты мне не сказал? – быстро проговорил Дынин.

– Я бы тебе сказал, если бы ты в соплю пьяный под стол не свалился! – вдруг остервенело завопил Дрюня. – С пистолетом на боку... Не доверяю я вашему брату. Такой шорох подымете, а девчонку за это время пришьют.

– Слушайте, секундочку, – прервал его я. – Я уже перестаю что-либо понимать. Вроде бы как раскрыли одно преступление, а тут еще одно наваливается. Давайте выпьем и не спеша обо всем поговорим.

Мы снова разлили водку. Исмутенков, как и в первый раз, пить отказался.

– Так, – сказал я, хрустнув огурцом. – Значит, ты утверждаешь, что у тебя похитили Таньку и кто-то требует с тебя выкуп.

– Да, именно это я и утверждаю. Вот записка. – И он вытащил из кармана замусоленный клочок бумаги. – Вчера под дверь подсунули.

Я раскрыл перед собой бумажку, где вырезанными из газет буквами было написано: «Ваша дочь у нас. Готовьте деньги. Связь через ваш почтовый ящик. Никому ни слова, иначе случится непоправимое». Прочитав записку, я отдал ее Дынину и Борисову.

– Слушай, Дрюня, а откуда у тебя могут быть деньги? – неторопливо закулив, спросил я.

– Это ты меня спрашиваешь? – взъерепенился Исмутенков. – Ты лучше их спроси... У меня кроме этой квартиры, старого 412-го «Москвича» и развалюхи-дачи больше ничего нет!

– Ну, может быть, именно это с тебя и требуют, – предположил Борисов.

– И кого же ты конкретно подозревал, кого пугать собирался? – спросил я.

– Хахаля ее, – зло ответил Исмутенков.

– Хахаль – это кто?

Исмутенков поразмыслил секунду, потом ответил:

– Есть там один. Лешка Шестаков.

– Основания для подозрений? – спросил я.

– Во-первых, она с ним в последнее время шашни вертела. Во-вторых, человек он больно скользкий. У него на роже написано, что какими-то темными делишками занимается...

– Господи! И из-за этого ты мог пристрелить этого пацана?

– Ну, учитывая его умение обращаться с оружием, я бы за это не поручился! Все могло быть и наоборот, – сказал Борисов.

– Что, мужики? – решительно обратился к нам молчавший доселе Дынин. – Надо помочь Андрюшке. Дело серьезное – похищение. Этот, как его?... Киднеппинг.

– А где ты собирался найти этого самого Шестакова? – спросил я.

– Я тут сегодня справки навел, перед самым вашим приходом. В городе его нет, но у него есть дача, под Тарасовкой. Вот туда и собирался ехать. Мужики, помогите, а... – Исмутенков обвел нас умоляющим взглядом. – Дынин, ты все же милиционер какой-никакой, у тебя права есть. Припугни этого козла.

– Я закон нарушать не могу, – строго заявил Дима. – Это дело такое... Меня за это из органов попереть могут.

– А когда ты сегодня врывался ко мне в квартиру и меня по лбу башмаком хлестал – у тебя что, санкция прокурора была? – взвился Исмутенков. – Или думал, что прокурор тебя прикроет? – Андрей посмотрел на Борисова.

Тот, уже совсем захмелевший, откинулся на спинку стула и пытался попасть сигаретой в рот.

– А я и не прокурор вовсе. Это Володя пошутил, – сказал он, наконец совместив рот и сигарету. – Ты почему меня именно прокурором назвал? – повернулся он ко мне.

– А почему бы тебе, собственно, не быть прокурором? Вид у тебя солидный – седина. Ну и вообще, должен же кто-то осуществлять надзор над действиями милиционера Дынина! – засмеялся я.

– Так вы что, меня на понт взяли? – совсем расстроился Исмутенков. – И как же вы догадались?

– Это Вовка сообразил, – сказал Дынин.

Исмутенков устремил на меня свой взгляд.

Я понял, что пора пояснять ситуацию:

– Ты вчера со свадьбы какой-то странный шел. Правую руку в кармане держал. Я и подумал, что у тебя там пистолет.

Исмутенков несколько секунд смотрел на меня, потом, откинувшись на спинку дивана, визгливо заржал, указывая на меня пальцем:

– Ну и дурак, твою мать! Да я просто писать хотел, аж зубы ломило, поэтому руку в правом кармане-то и держал...

Седому наконец удалось прикурить сигарету, и он, пыхнув облаком дыма, заметил:

– Хорошо, что ты не обоссался по пути, а то бы мы тебя вовек не вычислили!

– Минуточку, – запротестовал я, чувствуя при этом, что едва шевелю языком. – Между прочим, рука – это лишь один из факторов... Да, здесь вышла ошибка... Но... Человек был странным – странным... Со свадьбы раньше времени ушел – ушел... Говорить со мной при встрече отказался – отказался! Человек шел со свадьбы, а настроение у него явно несвадебное. Что-то его беспокоило... Так что все это не случайно. Просто метод мой такой, на интуиции основанный...

Завершив свою оправдательную речь, я налил себе еще водки и выпил.

– Так, мужики! – скомандовал Дынин. – Не напиваться! Нам сегодня еще работать. Надо Андрюшке помогать.

– А мы что? Мы отказываемся разве? – обратился я к Борису.

Тот в ответ тяжело вздохнул и сказал:

– Не-ет. Но кто нас на эту дачу повезет? Мы ведь все уже выпившие.

– А Андрюха не пил! – проговорил Дынин, как будто он уличил последнего во лжи.

– Да довезу я вас, довезу, – ответил Исмутенков. – Нет проблем.

– Так... Вовк! – толкнул меня в плечо Дынин.

– Всегда готов! – ответил я ему, вставая и прихватывая с собой недопитую бутылку со стола.

– Так... Этот... – Дынин напряженно вспоминал, как зовут Борисова, но так и не вспомнил. – Седой! К бою готов?

Борисов молча поднялся и как-то неуверенно ответил:

– Конечно, готов. Но при условии, что мне помогут дойти до машины.

Дынин подставил ему свое крепкое плечо, и они парочкой вышли из квартиры. Следом за ними устремились мы с бутылкой водки. Завершал процессию Андрюша Исмутенков.

Такой странной компанией мы добрались до стоящего во дворе желтого «Москвича», на котором Дрюня каждый день пытался уехать на работу. Надо честно признать, что удавалось ему это не всегда. Дима усадил Борисова на заднее сиденье, я водрузился туда же, после чего рессоры «Москвича» сильно осели. Дынин же, сев вперед рядом с Исмутенковым, громко хлопнул дверью и скомандовал:

– Поехали!

Андрюша повернул ключ в стартере, но машина провякала в ответ что-то невнятное. Он еще раз повторил попытку, но особых успехов не достиг. Дынин посмотрел на Дрюню и спросил:

– Нам что, толкать придется, что ли?

От этой мысли мы с Борисовым стали резко трезветь. Толкать исмутенковский «дрюшпак» нам совершенно не хотелось, да мы были и не в состоянии это делать. Но с третьей попытки машина все же взревела воплем негодования, и мы с Седым радостно заорали: «Ура-а!»

После этого мы уже не кричали, а всю дорогу тихо посапывали на заднем сиденье, за исключением тех пяти-шести моментов, когда мы останавливали «Москвич» для отправления физиологических надобностей. Орал же всю дорогу благим матом бравый участковый Дынин. Он называл это пением, на наш же взгляд, это было бляением молодого козла в брачный период. От его, с позволения сказать, пения Исмутенков несколько раз чуть было не въехал под колеса встречных грузовиков. Но потом смирился даже и он, и при подъезде к даче, хитро поглядывая на нас с Седым в зеркало заднего вида, уже тихо подпевал: «Тишина за Рогожской заставою... спят деревья у сонной реки...»

Подъезжая к дачному кооперативу, мы въехали на небольшой пригорок, где Исмутенков резко затормозил автомобиль. Мы с Седым сразу заозирались. После этого все вышли из машины и стали оглядывать простиравшуюся перед нами местность. Надо сказать, вид был впечатляющим. Мы простояли как вкопанные минут пять, после чего первым опомнился Седой:

– Ну? И какая из них наша?

Вопрос был актуальным: внизу перед пригорком расстился широченный ковер, сотканный из шиферных, деревянных, рубероидных и даже черепичных крыш, обрамленных густой зеленью. В дачном кооперативе, судя по вырисовывающейся схеме, было две главные улицы и несколько прилегающих к ним.

– Да откуда мне знать! – раздраженно воскликнул Исмутенков.

– Ну что ж, – вздохнул я, вынимая из-за пазухи бутылку. – Поехали искать сторожа.

Еще через десять минут, поблуждав по улицам дачного городка и опросив нескольких торчащих кверху задом теток в купальниках и дядек в семейных трусах, которые разговаривали с нами даже не разгибаясь, мы наконец подобрались к небольшой лачужке, где по всем приметам и должен был обитать сторож.

– Ну, – сказал я сидящим в машине бойцам. – Я пошел.

– Будь! – ответил мне Дынин.

– Не обделайся! – послал мне напутствие добрый Седой.

Главное, чего я опасался, шагая по витиеватой садовой дорожке к домику, это встретить какую-нибудь собачонку, делающую вид, что она охраняет дом и считающую себя вправе рвать штанины гостям. Но, к счастью, ничего подобного я не встретил, за исключением здорового кобеля, который неожиданно кинулся на меня из конуры, которую я не заметил в кустах малины. К счастью, он был привязан и не причинил мне хлопот.

Подойдя к двери, я постучал. Дверь мне открыл невысокий лысый старикашка с кирпичного цвета морщинистым лицом в старой потрепанной майке с надписью «Адидас».

– Илья Алексеич?! – радушно приветствовал я его.

– Нет, Семен Васильич, – удивленно ответил он.

– Ну слава тебе, господи, наконец-то я вас нашел!

Семен Васильич отошел в сторону, не в силах противостоять напору моего тела, которое я направил прямо на него, и проводил меня в небольшую обшарпанную комнату, где, кроме кровати, шифоньера и трех табуреток у стола, больше ничего не было. Если, конечно, не считать корзин с яблоками и помидорами, а также развешанных по стенам в женских чулках луковиц. В общем, плодов проживания этого старикашки на этой благословенной плодородной земле. Видимо, голландец Снейдейрс нашел бы здесь, с чего нарисовать свои натюрморты, да и фактура старикашки соответствовала эстетике фламандского Возрождения.

– Слушай, Васильич, – обратился я к по-прежнему удивленно смотрящему на меня сторожу. – Выручай! Попали – дальше некуда...

И я поставил на стол недопитую бутылку водки. Удивление на лице сторожа сменилось выражением одобрения. Он молча прошмыгнул по углам, собрал в миску частицу своего урожая и присовокупил ее к стоящей на столе бутылке. После чего тихо включил стоящий рядом радиоприемник. Я понял, что выполнил напутствие товарищей. Через двадцать минут мы вышли с Васильичем на крыльцо, и он цыкнул на залаявшего кобеля так, что тот мигом спрятался обратно в конуру. Мы миновали сад, вышли на дорогу, и я, посмотрев на сторожа, сказал ему:

– Веди нас, Сусанин!

После этого я сел в автомобиль, а Васильич неуверенной походкой поплелся впереди тихо едущего «Москвича». Через пять минут ходьбы-езды мы, миновав на этой же улице два домика, остановились около третьего. Я снова вышел наружу и подошел к нашему гиду. Он пальцем указал на стоящее рядом с ним двухэтажное здание с мансардой, увитое диким виноградом. Я что есть мочи взасос поцеловал его в лоб:

– Спасибо, отец! Без тебя мы бы точно его не нашли...

Старик гордо кивнул головой и отправился восвояси, допивать оставленную мною в сторожке водку.

Наша же зондеркоманда покинула боевую машину пехоты и стала оглядывать предполагаемый объект штурма. Дынин повернул ко мне голову и тихо спросил:

– Как думаешь, ствол оголять надо?

Я после секундного размышления ответил:

– Учитывая, что он пролежал в туалетном бачке целые сутки, ствол уже не опасен. Оголяй!

Дынин стал энергично шарить по карманам в поисках пушки.

– Ну что вы стоите, что встали-то?! – занервничал Дрюня. – Может, ее там насилуют или пытаются!

– Так! – командным голосом произнес Дынин. – Быстро через забор и цепью пошли к дому!

– А можно я... в калитку? – подал голос Седой.

– И я тоже, – присоединился я к нему.

Дынин окатил нас уничтожающим взглядом и со всей дури перемахнул через забор, чуть не свалив его при этом. Я понял, что штурм начался.

ГЛАВА 3

ШТУРМ БАСТИОНА ЛЮБВИ

Я откинул резиновое кольцо от колеса детской коляски, сцеплявшее забор и калитку, и калитка сама распахнулась перед нами. Мы вступили на территорию вражеского сада. Впереди шел я, сзади меня – Исмутенков, который постоянно пытался вырваться вперед. Замыкал цепь Седой. Дынин слонообразным кенгуру с пистолетом наголо поскакал по грядкам вокруг дома, совершая таким образом рекогносцировку местности. Мы уже подходили к углу здания, когда Дынин вынырнул из-за другого угла и затих перед слегка приоткрытым окошком. Он выразительно посмотрел на нас и приложил дуло пистолета к губам.

Мы не стали подходить к окну и остановились чуть поодаль. Как выяснилось, подходить ближе не было никакой необходимости, так как слышимость была хорошей и отсюда. Из приоткрытого окна раздался женский крик: «А-а-а!» Я тут же развернулся к Исмутенкову и понял, что, видимо, уже не успею. У Дрюни расширились глаза до размеров его очков, и он был готов что есть мочи заорать и кинуться в направлении женского крика, но положение спас Седой. Он накинул жилистую ладонь на рот Исмутенкова, а второй рукой прижал Дрюню к себе, нейтрализовав таким образом отчаявшегося папашу. Я посмотрел на судорожные движения Дрюни в объятиях Седого, одобрительно кивнул головой и снова развернулся в направлении окна.

Изнутри дачи раздался еще один женский вопль: «А-а-а!» Ему вторил мужской, столь же выразительный: «О-о-о!» Я несколько секунд посомообразал, почему мы застыли на одном месте как вкопанные и не кидаемся внутрь помещения, и пришел к выводу, что причиной этого служит методичное поскрипывание кровати.

Дынин, посидев под окном несколько секунд в напряженной позе, попрыгал через грядки в нашем направлении с выражением страшной задумчивости на лице. За это время из окна вылетела еще одна порция криков: «Ой!», «Ой!», сменившаяся восклицаниями: «Ох!» и «Ах!». Дима, остановившись, поднял на нас взгляд и серьезно спросил:

– Ну? Что решать будем?

Исмутенков снова забился в истерике, требуя, чтобы его освободили. Седой придвинулся к его уху и тихо спросил:

– Орать будешь?

Тот отчаянно замотал головой. Седой на секунду открыл Дрюнин рот и тут же закрыл его. Поскольку никакими звуками окрестность оглашена не была, Дрюне позволили говорить, убрав ладонь с его рта. Он отчаянно зашептал:

– Да вы что, изверги?! Ее, может, там пытаются...

– А койка у них от пыток скрипит, что ли? – спросил Седой.

– Да... Там что-то странное, – глубокомысленно заявил Дынин, почесывая дулом пистолета свой висок. – Что бы это могло быть?

– Да пытаются, пытаются, я вам точно говорю! – снова отчаянно зашептал Исмутенков.

В этот момент из дома донесся женский голос: «Ну давай, давай!», «Смелее, не бойся!» Далее последовали уже знакомые нам междометия: «Ох!» и «Ах!», сопровождаемые еще более интенсивным, чем прежде, скрипом кровати. Последняя информация с места событий смутила даже бедного Андрюшу, и он вытянул свою шею в направлении окна. Туда же воззрился, раскрыв рот, и Дынин.

– Андрюша, – неожиданно спросил я. – А сколько лет твоей Таньке?

– Семнадцать, – неуверенным голосом произнес Исмутенков. – С половиной.

– Да, – подвел итог Седой. – Пытками что-то и не пахнет...

– Так они что там? – повернулся к нам Дынин. – Трахаются, что ли? Гы-гы!

Диму эта мысль чем-то порадовала. В глазах Дрюни же растерянность снова сменилась ужасом, и он прошептал:

– Насилуют!

Повторить это спорное утверждение более громко ему не дали, поскольку Седой снова «спеленал» его. После этого из окна раздался очередной женский крик: «Давай! Давай! Еще сильнее!» Кровать закрипела с угрожающей частотой, и мужчина пронзительно застонал. Седой резонно заметил:

– Если и насилуют, то скорее всего не ее...

Исмутенков, до этого периодически дрыгавшийся в объятиях Седого, снова стих. Когда ему открыли рот, он как-то устало прошептал:

– Остановите это безобразие! Она же еще совсем маленькая девочка!

– Да? – с сомнением посмотрел на окно Седой.

Мне были понятны переживания Андрюши, поскольку младшей из моих собственных детей тоже была дочь. Однако интенсивность действий внутри дома была столь велика, что мы могли навлечь негодование дамы, если бы прервали этот процесс прямо сейчас. Мы хоть и отцы, но если женщина просит... Хотя на Дрюню было больно смотреть: он присел на корточки, обхватил свою лысую голову руками и тихо постанывал: «Варвар! Негодяй! Бесстыдник! Убью паскуду!»

Наши сомнения по поводу того, вмешаться ли в происходящее или подождать, были отмечены самим течением жизни. Из дачи донеслись почти одновременно два вопля: «А-а-а!» и «О-о-о!», после чего раздался какой-то непонятный треск и грохот. Далее, после некоторой паузы, послышалось более тривиальное мужское высказывание: «Твою мать!»

Это послужило для Дынина мощным импульсом перейти к последней стадии операции. Он, крикнув: «За мной!» – бросился к окну дачи. Засунув пистолет в карман и раздвинув руками оконные рамы, участковый рыбкой проскользнул в окно, после чего в комнате раздался еще больший грохот. Его причину великолепно проиллюстрировало выражение Дынина:

– Какая скотина поставила здесь табуретку с посудой?!

В ответ на это раздался отчаянный женский вопль, и воцарилась тишина. Когда мы все втроем заглянули в окно, то обнаружили сидящего на полу Дынина, прижавшего носовой платок ко лбу. В дальнем углу, на сломанной кровати, прижавшись друг к другу и прикрывшись простыней, лежали двое молодых субъектов мужского и женского пола. Дынин, не отрывая платок ото лба, бодро поднялся и задал сакраментальный вопрос:

– Что здесь происходит?

Молодые люди уставились на него непонимающе. И тут голос подал Исмутенков:

– А... А это... А это не Таня!

Мы с Дыниным воззрились на девицу под простыней и пришли к такому же выводу. После чего Седой влез в окно и открыл нам дверь на дачу, которая, впрочем, была не заперта, а просто плотно прикрыта. Дынин, заложив руки за спину, принялся расхаживать по комнате взад-вперед. Я поднял с пола початую бутылку водки, которая, к счастью, была закрыта, иначе бы Дима разлил ее, приземляясь на табуретку, налил себе немного в металлическую кружку и опрокинул. То же самое проделал и Седой. Исмутенкову пить не дали, так как он был за рулем. Хотя, конечно, ему в связи с последними нервными переживаниями очень хотелось это сделать.

– Ну! – сказал Дынин, внезапно остановившись. – Тебя, кажется, Лехой зовут?

– Алексеем, – поправил милиционера молодой человек.

– Так что, Алексей, сам будешь рассказывать или в отдел тебя везти?

– А что рассказывать-то? – выжидательно смотря на Дынина, прогундосил Леха.

– Как что? – сказал я. – Сам знаешь что... Плохи твои дела.

– Да, – вторил мне Седой, поддерживая нашу игру. – Серьезные, пацан, у тебя проблемы возникли. Тебе сколько лет-то?

– А вы кто? – заносчиво спросил Леха.

– Следователь по особо важным делам областной прокуратуры господин Борисов. Между прочим, полковник юстиции, – представил я Седого.

– Да-а? – протянул Леха, вытаращив на пьяненького Седого глаза. После чего ответил: – Мне вообще-то двадцать.

– Ну вот, – радостно заметил Седой. – Значит, из тюрьмы выйдешь в тридцать.

– Как это! За что? – заверещал Леха. – Я, в общем-то, ничего и не делал.

– Мы, Леха, знаем все, что ты делал. Осталось собрать несколько незначительных фактов, и тебя посадят, – произнес я.

– Как десять лет? Да вы что! За что?!

– Могут и расстрел дать, – продолжал убивать пацана Седой.

– Дядя Андрюша! – заканючил Леха. – Чего мне делать?

– Что делать? – взревел Дрюня. – Он меня еще спрашивает, что ему делать! Дочь мою похитил, записки мне шлет, и еще спрашивает... Говори, где Танька!

Мне почему-то показалось, что Дрюня поторопился. Не стоило бы ему влезать раньше времени. Леха вытаращился на Дрюню непонимающим взглядом.

– Таньку? Похитили? Кто похитил?

– Нет, он еще издевается, – окинул меня с Дыниным взглядом Дрюня. – Да я тебя!

И он кинулся в направлении кровати. Мы с Димой едва успели его остановить.

– Никаких Танек, – уже более твердым голосом заявил Леха, – я не похищал. Да и на хрен она мне сдалась! Я ее уже три дня в глаза не видел. Тоже мне, было бы кого похищать! И главное – зачем?

– Чтобы выкуп взять, – неуверенно ответил Исмутенков.

– С кого? – недоуменно спросил Леха.

– С меня, естественно, – гордо произнес Дрюня.

– А что? – еще более недоуменно спросил Леха. – У вас есть деньги?

– Ну, в общем, нет, – замялся Исмутенков. – Так, немного... И какая тебе разница, если ты ее не похищал?

– Да нет, это я так... Если бы мне пришлось в голову кого-нибудь похитить с целью выкупа, ваша дочь была бы последней в списке, – уже снисходительно глядя на Дрюню, заявил Алексей.

– Он что, мне хамит? – поинтересовался у общественности Дрюня.

– Вряд ли, – ответил Седой. – Похоже, что он говорит резонные вещи.

Все снова посмотрели на уже повеселевшего Леху.

– А это кто такая? – Дрюня нашел новый повод, чтобы снять свое раздражение, и указал на лежавшую рядом с Лехой девицу.

– А вам-то какое дело? – спросил Леха.

– Что значит какое? Гуляешь, понимаешь, с моей дочерью, ходишь ко мне в дом, потом Танька исчезает... А ты хрен знает с кем трахаешься, да еще при этом мебель ломаешь отцовскую...

– Да вы что мне тут – тесть, что ли? – возмутился вконец Леха. – Приехали меня проверять... С кем я тут на даче трахаюсь... Вы лучше за своей дочерью следите. Она уже месяца два как со Славкой мотается. А я к вам просто так заходил, о Славке узнать...

– Каком еще Славке? – раздраженно спросил Дрюня.

– Каком-каком! – обиженно отвернулся от него Алексей. – Карцев его фамилия. Вот с ним она и ездит. Они и ко мне на днях на дачу приезжали вместе. На Славкином «фордышнике».

– Зачем? – спросил Седой.

– Просили с деньгами помочь.

– С деньгами? – встрял в разговор Дынин.

– Так, так... Тихо, – сказал я. – Давайте не будем пороть горячку и не спеша поговорим.

А то что-то я снова стал плохо соображать.

И я поднял упавшую табуретку и поставил ее рядом с кроватью вместо стола. Сам же, взяв стоявший в углу стол, сел на него и налил себе еще одну порцию водки.

– Андрюша, сбегай, сними с грядки овощей.

Исмутенков нехотя повиновался. Седой тем временем без спроса открыл стоявшие на столе консервы и выставил их на табуретку.

– Может, вы все-таки выйдете из комнаты? – с некоей претензией обратился к нам Леха.

– Зачем? – спросил его Дынин.

– Я должен одеться.

– Ну и одевайся, – продолжал недоумевать Дима. – Мы тут все мужики, а женщина тут одна, и ты с ней... уже это... того... гы-гы-гы...

Вопрос решился просто – девица, прикрываясь простыней, вдруг вскочила с кровати и, подхватив по пути свою одежду, помчалась в кухню переодеваться, оставив Леху совершенно голым на сломанной кровати. Мы все трое, словно по команде, проводили взглядом ее белеющий голый зад и переключили свое внимание на Леху.

– Да, – улыбнулся я. – Было бы что скрывать...

– Собственно, и показывать особенно нечего, – оценивающе резюмировал Дынин, пристально разглядывая Лехины чресла.

– Ну что вылупились, как гомосеки? – раздраженно сказал Леха, приглаживая прядь густых рыжих волос.

Он рывком встал с кровати и, пошарив под ней, отыскал там трусы и надел их. Парень был худощав, но сложен неплохо.

Тут неожиданно с кухни раздался вопль. Это идущий с огорода Дрюня застал переодевающуюся в кухне девицу. Когда он зашел в комнату, его лицо было вполне сравнимо по цвету с помидорами, которые он принес.

– Так, рассказывай, – сказал я, когда мы вчетвером осушили по первой, – кто такой Карцев и зачем ему нужны деньги?

Леха надкусил помидоры и сказал:

– Знакомый Танькин, бизнесмен какой-то. Чем занимается точно – не знаю. Какие-то акции скупает. Наверное, фарцует помаленьку. Знаю только, что недавно они с товарищем собирались цех открыть. Да видать, облажались...

– А где он живет? – спросил я.

– Откуда я знаю! – протянул Леха. – Я с ним встречаюсь только в компаниях. Где-то в Заводском районе.

Мы налили по второй, и, закусив водку помидорами, я снова спросил:

– А что за производство он собирался открыть?

– Фабрика по сборке мебели, где-то в области, – нехотя ответил Леха. – Они вместе со своим приятелем, Юркой Савелкиным, этим занимаются. Но что-то у них там не заладилось, деньги куда-то просрали. Поэтому их теперь и ищут...

– Кто ищет? – спросил я.

– Я не знаю, – протянул Леха. – Кредиторы, наверное... Откуда у них у самих деньги? У этого Славки, кроме «Форда Скорпио» семилетней давности, по-моему, ничего больше и нету.

– Номер машины не помнишь? – снова спросил я.

– Я что – инспектор ГАИ? Нет, конечно. «Форд» как «Форд», черного цвета.

– А кто такой Савелкин? – спросил я.

– Друган его. Я его, – почесал Леха голову, – тоже не очень хорошо знаю.

– Ну а где этот Славка бывает?

Леха задумался и снова почесал голову:

– Вообще-то есть одно местечко. Бар «Мустанг» называется.

– Это где?

– На Московской, недалеко от Волги.

– Раньше, – прокомментировал Седой, – на питейных заведениях вешали лошадиные подковы, а теперь ограничиваются лошадиными названиями.

– Там есть один такой бармен, Костя, – продолжил свой рассказ Леха. – По кличке Крошка, килограмм сто пятьдесят весит. Можете у него проконсультироваться, он очень разговорчивый малый.

Леха усмехнулся и посмотрел на нас, как мне показалось, несколько снисходительно.

– Шейкером работает как пропеллером, коктейли делает изумительные, особенно клюквенные.

Глаза у Лехи загорелись, видимо, он углубился в приятную для него сферу.

– Значит, говоришь, Костей зовут? – прервал его Дынин. – Ну что, мужики, будем «щемить» Костю, иначе мы на этого Карцева не выйдем.

– Слушай, Леха, – еще раз обратился я к нему, – этот самый Карцев похитить Таньку мог?

– Да она сама кого хочешь похитит! – заявил Леха, опрокидывая в себя очередную порцию водки. – Она же ненормальная.

– Ну ты, щенок! – высокомерно посмотрел на него сквозь очки Исмутенков. – Как ты смеешь так о ней говорить! А еще другом ее называешься.

– А чего я такого сказал? – завелся Леха. – Она действительно у вас какая-то странная. Ездит, для Славки деньги добывает, зачем-то старые газеты из туалета у меня взяли, жопу теперь подтереть нечем.

– Что-что? – переспросил Седой. – Старые газеты?

– Ну да, – подтвердил Леха. – Целую пачку из сортира уперли!

– Теперь мне многое становится ясным, – задумчиво протянул я.

– Чего тут ясного-то? – быстро спросил Дынин.

Я повернулся к Диме и пояснил:

– Записка-то была наклеена из букв, вырезанных из газет. Похоже на то, Андрюша, – посмотрел я на Исмутенкова, – что твоя Танька решила обуть тебя на кругленькую сумму, чтобы выручить своего дружка из беды.

– А почему она не обратилась ко мне напрямую? – спросил совсем растерявшийся Андрей.

– А ты что, отдал бы кругленькую сумму неизвестному тебе Славе Карцеву, продав при этом свой желтый «Линкольн» и трехэтажную дачу с бассейном? – ехидно спросил Борисов.

– Не знаю, – неуверенно ответил Исмутенков.

– Но она, похоже, точно знала.

– Так, мужики, – своей излюбленной фразой прервал наш разговор Дынин. – В общем, по коням. Ломимся в бар «Мустанг», берем там за яйца всех, кого надо, и копаем информацию о Карцеве. Если мы его не найдем, то и Таньки нам не видать. Вопросы есть?

– Нет, мой маленький фюрер! – помпезно ответил я и налил всем, кроме Исмутенкова, по рюмке.

Покончив с выпивкой, мы дружно поднялись и в наступающих сумерках направились по садовой дорожке к желтому «Москвичу». Выходя из калитки, я обернулся: Леха стоял на крыльце и провожал нас задумчивым взглядом. Юная подруга выглядывала из-за его плеча.

Машина завелась, по установившейся традиции, с третьего раза и недовольно тронулась по дороге дачного кооператива. Еще через полчаса блужданий мы выехали на проселочную дорогу и направились к городу. Я посмотрел на часы – было десять вечера.

– Да, доберемся как раз к закрытию, – задумчиво произнес я, глядя на огни встречных автомобилей.

– Публика нам не нужна, – зловеще сказал Дынин и залудил очередную дорожную песню с такой силой, что Исмутенков чуть не уехал в кювет.

«Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой!» – децибеллы, рожденные в мощной глотке Дынина, концентрировались в тесном салоне «Москвича» и нестерпимо давили на наши ушные мембраны. Седой с тоской посмотрел на затылок Дынина и, пошарив сзади в автомобильной аптечке, вынул оттуда два кусочка ваты и заткнул уши. Я последовал его примеру.

ГЛАВА 4

УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВОГО «МУСТАНГА»

Несмотря на то что Дынин требовал ехать напрямик к бару, уверяя нас, будто он готов провести нас через любую заставу гаишников, я все же настоял на том, чтобы Дрюня покружил по городу, объезжая все посты. Мы были уже весьма тепленькими, и от одного нашего перегара дыхание Исмутенкова могло заставить позеленеть датчик Рапопорта.

Наконец, когда время уже было без пятнадцати одиннадцать, наша «крутая тачка» остановилась перед дверью бара «Мустанг» на Московской, 15. Над белой стеклянной дверью висела неоновая вывеска с изображением головы и шеи лошади. Дизайнеры, работавшие над вывеской, проявили недюжинную самобытность и смекалку. Вывеска постоянно мигала, отчего голова лошади дергалась, а глаза все время сильно расширялись. Возникало ощущение, что с корпусом лошади, которого не было видно, сзади делают что-то нехорошее – или тыкают ей шпорами в бока, или пикой в круп, и дергается она от боли, а глаза расширяются от ужаса.

Я не стал долго смотреть на бедное неоновое животное, которое символизировало название бара, и открыл дверь. Предварительно мы договорились, что с барменом все же лучше поговорить мне с моим методом разговора – несмотря на то что Дынин рвался в бой. Седой при этом высказал некоторые сомнения в том, что я с помощью пузыря смогу разговорить бармена, поскольку того «профессия обязывала». Я был настроен, однако, решительно и пошел внутрь.

Помещение бара, как я и предполагал, было погружено в полумрак. Зал был разделен на две части. Та часть, которая примыкала к стойке бара, была чуть приподнята и отделялась от другой деревянной перегородкой. Похоже, хозяева таким образом пытались придать бару сходство с салунами Дикого Запада прошлого столетия.

Посетителей в баре было уже мало, и стульчики перед стойкой пустовали. Туда я и направился. Бармена Костю нельзя было не заметить – он здоровенной бело-красной горой возвышался над стойкой. Белой была его рубашка, в нескольких местах, правда, закапанная джином или коньяком. Красной же у него была толстая морда, на которой выделялись две бусинки черных глаз и здоровенные щеки, свисавшие вниз, как у бульдога. Он наверняка надел бы и галстук-бабочку, но ее не было бы видно из-за обширного второго подбородка.

Я уселся прямо напротив него и небрежно бросил:

– Здравствуй, Костя!

Тот, видимо в качестве приветствия, молча засопел.

– Мне, пожалуйста, водочки с лимончиком.

Костя, буравя меня черными глазками, тихо прогудел:

– Мы вообще-то скоро закрываемся.

– Ничего страшного, с одним стаканчиком я быстро справлюсь, – успокоил я его.

Костя достал из-под стойки бутылку «Смирнова», почти не глядя налил мне норму и надел на стакан дольку лимона. Пока я поглощал спиртное, Костя взглядом исподлобья отметил появление еще трех моих спутников. Дынин уселся, как я и предполагал, недалеко от меня за стойкой бара – ему всегда надо было лезть на передовую. Дрюня с Борисовым уселись за столик в дальней части зала. Опорожнив рюмку и закусив ее лимоном, я до-стал свою пачку «Бонда» и предложил ее Косте. Тот усмехнулся и молча отрицательно покачал головой. Тогда я начал наступление. Я посмотрел на часы и сказал:

– Слушай, все равно уже никого нету, и скоро закрытие. Давай составь мне компанию... Я оплачу...

Костя оценивающе посмотрел на меня своими угольками-глазами и опять покачал головой, на сей раз с меньшей амплитудой и без усмешки, словно сомневаясь. Я подумал, что в

принципе все идет нормально, и Костю в конце концов удастся разговорить, но тут заметил, как к Дынину подсела одна из девиц, сидевшая раньше где-то внутри, и спросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.